

ОТБОРОЧНЫЙ ТУР

Живет в Страсбурге (Франция). Визитная карточка автора, желающего принять участие в 1-м туре конкурса.

Сон в лубке

я не вписывал в формат чувств, бушующих во мне...
твой жасминный аромат обволакивал извне
и пропитывал покров, и просачивался в грудь.
счастлив щедростью даров, отплачу когда-нибудь:
подарю цветок зари и кольцо блестящих звёзд.
только ты не говори, что луны сусальной гроздь

предназначена не нам и не нам её срывать:
верь моим волшебным снам, кои стану навевать.

нежным бархатом в ночи тишина покрыла мир.
мы с тобою помолчим: как - никак прямой эфир.
наша тайна уплывёт вглубь космических пространств, -
звёзд далеких хоровод пусть исполнит нам брэг - данс.
мы продолжим вновь и вновь чувств нежнейших макраме
заплетать в узор - любовь по кисейной бахrome.
а когда углей - планет потускнеет вдруг очаг,
принесу тебе рассвет я на собственных плечах.

разнесут скорей стрижи сногсшибательную весть,
только ты меня сдержи рассказать о том, что есть.
чувства копяся во мне. ты отчаянно робка.
мы осознанно вполне грезим красками лубка.

Туннель

Два мира соединены
туннелем,
по которому улетают
души...

- Что-то там
про астральное мелем,
согревая друг другу уши.
Когда провозили
тебя коридором,
приколотую капельницей
к возвращённой
жизни,
я уловил
жаждущим взором:
твой лик —
в апофеозе уккоризны;
ты прошептала
пересохшими губами:
«В конце туннеля — свет,..
но мне туда не дали
продолжить след,
чтоб погрузиться
в неизведанность стопами».

С тех пор

тревожными ночами
я слышу
как во сне ты просишь бога...
твой дух на свет
с манящими лучами,
зовёт в туннель
ведущая дорога.

С грустью о ,,,

Я целую тебя в уста на тиснённом фото...
Открою альбом, уткнусь – и будто легче.
А ночью память устраивает на меня охоту
и с каждым разом заряд картечи всё крепче.

Волнение, страсть, любовь и терзания плоти, -
как зубья частого гребня, грубо ерошат душу.
И сердце, как одинокий кулик на болоте, -
в укромном гнёздышке переживает стужу.

Комфорт – это когда с наслаждением ощущаешь
упругость матраса, крахмальность простыни и так далее.
И память, словно головку звукоснимателя, возвращаешь
в то положение, когда не столь объёмист был в талии,

когда одиночество ещё не казалось болью,
а по ночам вообще не донимали кошмары,
и только привычка пагубная к обильному застолью
являлась предвестником надвигающейся кары.

{jacomment off}